

МЕХАНИЧЕСКАЯ МОЛОДОСТЬ

СКВОЗЬ РАЗЛОМ

Ивашкина Кристина

12+

Кристина Николаевна Ивашкина

Механическая молодость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66015325

SelfPub; 2022

Аннотация

На главном вокзале открылся таинственный разлом, попав в который, вернуться можно только постаревшим. Но некоторые учатся использовать его энергию в своих целях. Но что благо для других, кошмары и даже смерть – для других.

Пришло время это прекратить.

История окунает нас в стим-панковский мир, в котором нет места для интересов тех, кто не приближен к Императору, а любой богатей может использовать любые средства в своих целях. Даже людей, которым повезло не так сильно.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	19
Глава 3.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кристина Ивашкина

Механическая молодость

Глава 1.

Широкие лестницы вокзала, спускавшиеся по бокам к центральному холлу, были запружены людьми. Неудивительно, ведь совсем недавно пришел скорый из столицы. Дамы в пышных платьях, мужчины в цилиндрах и фраках – каждый сошедший с поезда старался вырядиться в лучшие одежды, чтобы блеснуть перед попутчиками. Украшения не уступали нарядам, и даже револьверы были богато украшены драгоценными камнями. Насколько такое оружие было функциональным, судить было сложно, да и маловероятно, что дамы, которые носили такие револьверы, умели ими пользоваться. Вокзал был под стать посетителям – очень роскошный. Здесь, казалось, соединились все достижения современной инженерии вкупе с ювелирным мастерством. Высокие колонны были цвета слоновой кости, с золотым узором, имитирующим виноградные листья. Этот узор плавно переходил на мраморный пол, всегда до блеска начищенный. Как на таком полу не падали на каждом шагу дамы, привыкшие ходить в ботинках с металлическими шпильками, оставалось загадкой. Наверное, таким навыкам обучают

еще с детства. Вне всякого сомнения, эти самые шпильки были гораздо более опасным оружием, чем оружие настоящее, казавшееся игрушечным. Один раз наступить каблуком на ногу – и человек будет хромать еще очень долгое время. А уж если попасть куда-то выше... Об этом и помыслить было страшно. Впрочем, дамы никогда не позволяли себе такого – не хватало еще показывать нижнюю юбку кому бы то ни было! Даже мужья зачастую не видели, что скрывается за этими метрами ткани да кожаными корсетами, как раз входящими в моду. Некоторые модницы умудрялись декорировать и корсеты различными металлическими и деревянными деталями. Конечно же, из металлов превалировало золото, а породы дерева были сплошь самые благородные и начищенные до блеска. Начищенным на этом вокзале казалось абсолютно все – стены, полы, детали одежды и обуви посетителей и работников. Последние особенно старались выглядеть как можно презентабельней – ведь от чаевых, оставленных любимым из этих богатеев, зависела жизнь многих тут. Зарплаты были маленькими, а семьи большими. Некоторые богатые пожилые дамы порой оставляли на чай двухнедельную зарплату. За любой проступок на рабочем месте могли выгнать, желающих было много, так что приходилось изо всех сил соответствовать. Правда, порой приезжающие или уезжающие были весьма и весьма невежливы – могли прикрикнуть, нахамить или даже толкнуть, но работники к этому давно привыкли и приучились пропускать мимо ушей любое обидное

слово.

Большой паровоз еще остывал, пуская целые облака пара по сторонам и издавая странные звуки, похожие на вздохи уставшего животного. Он словно пытался отдышаться после долгой гонки на большое расстояние, которое только что преодолел всего лишь с одной остановкой. Шутка ли – почти тысяча километров. Пассажиры успели порядком устать, что уж тут говорить о перевозящей их машине. Машинисты давно думали о том, что паровозы намного более живые, чем их принято было считать, но кто же им поверит? Эти люди большую часть времени проводили в кабинах или в депо, где всегда очень жарко и шумно, так что в их ментальном здоровье сомневались все, даже они сами. А вообще разве знает кто-то точно? Технологии так давно вошли в жизнь, что уже никто и не помнил, с чего там все начиналось. Кроме того, самый первый исследователь, что открыл для них силу пара, совсем не готов был открывать все свои тайны, так что многое после его смерти забылось. Многие действие повторялись его последователями раз за разом на автомате, и никто уже не помнил, зачем именно необходимо протирать каждый двигатель шелковой тканью и непременно красного цвета. Но никто не рисковал поступать иначе – двигатели были крайне опасным изобретением, и много людей полегло, пытаясь создать что-то новое, усовершенствовать или починить старое. Лучше всего эта работа давалась выходцам из Дартсмута – эти любители темноты любили разговаривать с

машинами, и те словно слышали и понимали, оттого помогая и делая то, что требовалось. Но их особенно никто не любил – зеленая кожа и слишком крупные глаза без зрачков, которые никогда не моргали, казались многим слишком отталкивающими. Тем не менее, в любом депо или на фабрике обязательно обитали дартсмутцы, порой и проживая на месте работы вместе с семьями. Даже их дети, казалось, ладили с любой техникой, с самого детства обучаясь мастерству механика, и к совершеннолетию имели за плечами уже огромный опыт, так ценившийся в современные передовые времена.

Но тот факт, что поезда были такими шумными, даже когда не двигались, был очень на руку определенной категории обитателей вокзала. Этот народец был совсем не так опрятен и чист, как все остальное на этом вокзале. Но никто этого не замечал. Да их в целом никто не замечал, и это тоже было им только в радость. Они старались оставаться как можно более незаметными, более того – неузнаваемыми и даже одинаковыми. Этот народец – беспризорники, которые всегда живут в любом городе. Откуда они берутся, никто толком не мог понять, потому что при таком уровне развития, что царил повсюду, да еще и в больших городах, была крупная система контроля и надзора за детьми. В особенности за теми детьми, что по какой-то причине остались без родителей. Но все равно то тут, то там можно увидеть эту непонятную стай-

ку в рваных штанах и запыленных котелках, которые всегда смеялись и никогда не ходили поодиночке, а в случае опасности разбегались так быстро, что поймать хоть кого-то не предоставлялось возможным. Отличить мальчика от девочки было тоже весьма проблематично – быть девочкой, живущей на улицах, было крайне опасно. Преступность процветала, и даже в самых высокоразвитых городах были районы, куда обычным людям вход был закрыт. А вот выходили оттуда самые опаснейшие личности.

Одной из девочек, что маскировались под мальчика, была Матильда. Как же она ненавидела это имя! При имени Матильда ей представлялась девочка из хорошей семьи, которая учится играть на фортепиано, у которой закручены волосы в светлые кудри, которая носит сплошь одни платья и обязательно ходит на занятия по иностранным языкам. И что самое главное – она и думать не желает ни о каких механизмах, потому что это дело для мальчишек и засаленных мужчин, у которых все руки в мозолях. И этот образ совсем не сочетался с самой Матильдой. Она не помнила своих родителей или своей жизни до приюта, потому не знала, почему именно ее решили назвать таким именем. Поэтому всех просила называть себя Мэтью, не открывая настоящего имени. Девочка рано оказалась на улице – она сбежала из приюта вместе со своим лучшим другом Джереми, и с тех пор скиталась, ища свое место под солнцем. И больше всего ей нравилось на вокзале. Она очень хорошо запомнила, как тут ока-

залась.

– Эй, я знаю одно место, где полно богатеев, которые только рады расстаться со своими денежками и побрякушками! – Такие слова однажды услышала Матильда от Джереми, пока они бродили по большому рынку в поисках овощей, которые для продажи были уже не годны, но вполне годились для обеда таких вот бродяг.

– Что же это за место такое лакомое? – Ответила девочка, рассматривая помидор на предмет того, годится ли он еще для еды, или лучше все же не рисковать.

– Вокзал!

– Да ты ерунду говоришь! Там же полно охранников и слушающих. Да и катаются на этих паровозах только богатеи, так что нас там сразу заметят и выпрут пинками. Может быть, даже побьют. Зачем оно нужно?

– Ничего подобного! Мы там вообще как невидимки, никому и дела нет. Проверенная информация, так сказать! Пойдем, посмотрим. Ну а выкинут – невелика потеря, в первый раз что ли? Много нам пинков уже довелось стерпеть, можно парочку и звонкой монетой облагородить.

Матильда-Мэтью вздохнула, отбрасывая в сторону очередное гнилое яблоко, и посмотрела в честные голубые глаза друга. Они были так не похожи на ее собственные карие, почти что черные. Некоторые даже говорили из-за ее глаз и темных волос, что она не здешняя. Прибыла, мол, с дальнего континента. Что такое континент, девочка не знала, но

все равно чувствовала себя какой-то чужой даже среди собратьев по несчастью. Но только не с Джереми – он был кем-то вроде старшего брата. И этому взгляду было невозможно сопротивляться.

После этого случая прошло уже около полугода, и Матильда ни на секунду не пожалела, что согласилась отправиться на вокзал. Тут было очень интересно и никогда не было голодно! Богатые люди совсем не замечали оборванцев, что бегали где-то на уровне талии. И вместе с тем на уровне сумок, кстати. А еще они не замечали пропажи той или иной монеты, а когда не могли досчитаться какого-то кольца, то думали, что просто где-то его обронили. Мало ли какая неприятность может случиться в поездке, верно?

Кроме того, все служащие станций, от кассирш в строгих жилетках до вечно грязных механиков и машинистов, просто обожали детишек. Их постоянно подкармливали, они жили там же, в депо, а некоторых даже обучали обходиться с паровозами. Это ли не мечта любого мальчишки! И вместе с мальчишками рядом с механиками постоянно сновала Матильда. Она была просто очарована этими механизмами с самого первого дня, как увидела вблизи. Да, тут она окончательно стала Мэтью, чумазым мальчишкой, который пытался постоянно помочь в ремонте и просто обслуживании поездов, порой забывая даже поесть. Она бралась за любую работу, только бы побольше узнать о том, что ее интересовало. А интересовало ее абсолютно все! Каждую шестеренку, каж-

дый винтик, каждый клапан она рассматривала с чрезвычайным вниманием, расспрашивала, как это можно применить. И машинисты, которые зачастую по много недель не видели родных детей, были счастливы пообщаться с этим сорванцом. Почти никто не знал, что Мэтью – это на самом деле Матильда. Улицы хорошо приучили ее скрывать свой пол.

Со временем она полностью перебралась в депо, притащив свои нехитрые пожитки и устроившись в одном из старых вагонов, что доживал тут свой век непонятно для чего. Несмотря на свою древность, вагон этот был довольно богатым – сидения были обиты бархатом, набивка делала их невероятно удобными. Для худеньких беспризорников такое сидение вполне способно было заменить целую кровать, а под сидениями без труда помещались их вещи. Другие ребята тоже со временем перебрались сюда, так что по прошествии всего нескольких недель вокзальное депо все больше напоминало небольшой квартал, где живет одна большая семья. Взрослые помогали детям в повседневных заботах, а дети взрослым в работе, которая была им по плечу. Но основной деятельностью для местной детворы было, конечно, мелкое воровство у богатых пассажиров. Как ни странно, время шло, но ни разу еще никто не обратил внимания на эту банду беспризорников. Ни полиция, ни опека – никто никого не искал и не забирал. Украденные ценности сбывались в самых дальних и неблагонадежных районах города, так что найти какие-то концы, даже если очередное кольцо где-то всплы-

вало, было практически невозможно.

Так что жизнь текла тихо, размеренно и даже благополучно до этого ужасного вторника. Матильда-Мэтью с самого утра чувствовала себя странно... Если бы она чаще прислушивалась к самой себе, то давно бы поняла, что у нее отменно развита интуиция, и к ней стоит прислушаться. Но девочке неоткуда было узнать ни о какой интуиции, а думать о своих чувствах не позволяли постоянные заботы. Поэтому она, как обычно, попрощалась с ребятами, забежала к механикам, чтобы хоть одним глазком взглянуть на новенький красный паровоз, что только два дня назад доставили в депо. Поговаривали, что у него какое-то совершенно революционное строение, которое должно перевернуть паровозостроение совсем в другую сторону и открыть новые горизонты! Как же девочке не терпелось вернуться обратно и рассмотреть все как следует! У нее была мечта в будущем самой стать механиком, а быть подмастерьем она сможет уже через пять лет.

Но сейчас ей предстояло выйти на вокзал как раз к прибытию пресловутого Скорого и найти на сегодня жертву – какую-нибудь богатую дамочку, лучше престарелую, которая и не заметит продажи нескольких медяков и кольца. Главное – присмотреть камень покрупнее, тогда весь месяц можно совсем не думать о деньгах. А если еще немного сэкономить, можно купить еще несколько нужных инструментов!

Поезд как раз только-только приехал, поэтому перрон был

наполнен людьми. Многие из них уже успели отойти подальше к лестнице, но оставались и те, что стояли на месте в ожидании попутчиков. Матильде очень нравился вокзал. Над перроном высились массивные арки, потолок был стеклянным с небольшими вкраплениями разноцветных стекляшек. В такие солнечные дни, как сегодня, от них повсюду плясали солнечные зайчики, отражаясь от магазинчиков, от одежды людей. Матильда любила по ночам лежать на какой-нибудь скамейке в зале и смотреть на этот потолок. Особенно ей нравилось, когда погода была дождливой, когда грохотал гром, небо прорезали молнии, а крупные капли дождя звонко ударялись о потолок и стекали вниз по бокам. Девочка помнила, как сложно было в такую погоду на улице. Все те места, где они привыкли прятаться или ночевать, очень быстро заливало водой, а уйти было некуда. К сожалению, сырость унесла с собой жизни нескольких ребят, что она знала. Да она и сама однажды серьезно заболела из-за грозы, но смогла выбраться – Джереми очень помог, и она всегда помнила это.

Матильда остановилась на минуту, вспоминая все это, так что упустила момент, когда перрон совсем опустел. Теперь основная часть людей была на лестнице или в просторном вестибюле. Но не все – на ее удачу на скамейке метрах в двадцати дремала пожилая дама, опершись на клюку. Солнечные лучи отражались от ее многочисленных украшений, так что весь перрон и стены вокруг нее были залиты светом и

солнечными зайчиками. Почему-то именно такое вот пожилые дамы очень любят наряжаться, надевая сразу огромное количество украшений. По счастью, такие старухи очень забывчивы, так что пропажу она точно не заметит еще очень долго. Оставалось надеяться, что уснула она крепко и потому не заметит нехитрые манипуляции.

Девочка еще раз внимательно осмотрелась по сторонам, примечая, где находятся служащие. При всем их прекрасном отношении к детям, если кто-то из них заметит кражу, он должен будет сообщить куда следует. На это нельзя было обижаться – если вдруг начальство прознает, что они видели преступление, но никак его не предотвратили... Увольнение будет мгновенным и неминуемым. Найти другое такое же хлебное место практически нереально, а у многих из них большие семьи.

Но сегодня, кажется, удача была на стороне Матильды – на перроне совсем никого, только она да эта посапывающая старушка. Неизвестно, как скоро ее отыщет сопровождающий, а у таких дам всегда был сопровождающий, ну или сопровождающая ее компаньонка-горничная. Они никогда не путешествуют в одиночестве, и более того – даже не остаются одни на долгое время. Так что терять время было нельзя – счет шел практически на секунды.

Матильда пробралась вдоль стены, стараясь ступать как можно тише. Для этого она большую часть времени носила мягкие башмаки с тонкой подошвой. Минусом их было то,

что ступней она чувствовала малейший выступ на земле и на полу, но это же в необходимые моменты становилось плюсом. А именно – когда нужно было пройти где-то в крошечной темноте или к кому-то подкрасться совершенно бесшумно. Прямо как сейчас.

Когда до старушки оставалось всего метра три, Матильда натянула пониже свою шляпу-котелок, а шарф, наоборот, подняла повыше. Все для того, чтобы в случае самого плохого развития событий ее нельзя было узнать. Одетая она была точно так же, как остальные ребята, волосы были спрятаны под шляпой всегда из-за яркого цвета, так что она могла не опасаться, что кто-то ее узнает и поймает. Это была всеми признанная маскировка. Одна за всех – все за одну, иначе на улицах не выжить. По счастью, старушка не шевелилась. Более того, девочка смогла уже рассмотреть свою цель – одно из колец было таким массивным, что прямо-таки соскальзывало со сморщенной руки, покоящейся на колене. Оно просилось в руки, а его блеск сулил хороший барыш. Кроме того, на первый взгляд оно было из платины, которая ценилась выше золота почти в два раза! Неужели боги наконец смилостивились и решили помочь несчастной девочке, которая не выбирала свою судьбу? После продажи такого кольца ей не придется больше подворовывать еще долгое время, может быть, даже сможет докупить все, что ей нужно, чтобы стать подмастерьем уже сейчас.

Все эти приятные мысли проносились в голове девочки,

пока она подбиралась все ближе и ближе к заветному кольцу. Она уже ничего не замечала, даже привычные звуки вокзала будто бы стерлись, стали далекими и такими неважными. Рука тянулась все ближе к кольцу, которое прям-таки шаталось, висело на волоске, готовое сорваться в ладонь Матильды.

Но в последний момент все пошло совсем не по плану.

Рука с кольцом резво для такой старушенции метнулась вперед и схватила девочку за запястье. Та от неожиданности замерла на несколько секунд, а после начала изо всех сил вырываться. Но не тут-то было – руку словно клещами сжало. Теперь уже старушка не спала – на Матильду уставилась пара маленьких злобных глаз. Они напомнили девочке какое-то животное, но она никак не могла понять, какое. Да и было ли это важно? Она попалась! И что ее ждет дальше, непонятно. Обычно старушенции добрые, и стоило немного поплакать – отпускали, да еще, бывало, и немного денег с собой давали. Но эта тетка была точно не из их числа. Она не отпустит просто так.

– Отпустите меня! – Закричала в отчаянии девочка, на что услышала лишь хриплый смешок.

– Нет уж, не отпускаю. Ты мне нужна. Сама виновата, сама попалась на своей жадности.

Голос старухи был таким же пугающим и мерзким, как ее смешок. Матильда поняла, что, как бы она не билась, вырваться у нее не получится, кроме того, невыносимо начала

болеть рука. Потому девочка замерла в надежде, что старуха немного расслабиться – это может быть шансом.

– Хорошая девочка. Мне очень жаль, но у тебя нет ни единого шанса на бегство. О, как я долго искала кого-то вроде тебя. Сиротку с милым личиком, которую никто не хватится. Видишь, какое у меня тело? Оно уже старое и дряхлое, совсем скоро оно придет в совершенную негодность. Прямо как твоя курточка.

Девочка машинально опустила глаза на свою куртку. Та и правда доживала свои последние дни. Когда-то красивого зеленого цвета, теперь она была скорее грязно-коричневой. Швы держались на добром слове и местами расползались. Да и сама ткань кое-где уже даже просвечивала, так много ее стирали и заштопывали.

– Вот видишь – это же ужасно. Даже голос мой изменился донельзя, хотя когда-то считался одним из самых красивейших. Я выступала для самых богатых и почитаемых жителей этого города. И ты мне почему-то напоминаешь одного из них. Твое тело послужит мне еще очень долго и исправно. Я буду о нем заботиться намного лучше, чем это делаешь ты. Осталось немного подождать – и придет мой помощник. Не бойся, больно не будет. По крайней мере, никто никогда не кричал.

Матильда не могла сказать ни слова. Ужас растекался по всему телу, она уже не старалась освободиться – понимала, что это бесполезно. Она осмотрелась по сторонам. Как бы

она была рада сейчас увидеть хоть кого-то! Но никто не появлялся.

Глава 2.

Разлом появился неожиданно для всех много лет назад. Сейчас, конечно, уже никто не удивлялся ни тем, кто откуда появляется, ни новым видам оружия и изобретений. Тем не менее, большая часть людей пыталась отрицать все новое, держась за традиции. Паровой двигатель все еще был самым важным и значимым изобретением. Но все равно то тут, то там порой появлялись жрецы, приносящие новаторские изобретения и рассказывая людям о том, как много полезного несет в себе разлом.

Что он такое, никто толком не знал. Понимали только, что он служит чем-то вроде портала в другую вселенную. И в той вселенной магия тесно соседствовала с наукой, рождая всяческие необычные и опасные изобретения.

Открылся он на железнодорожном вокзале одним туманным утром. Первый Скорый немного опаздывал, так что старался набрать как можно больше сил перед последним рывком. За такие вот опоздания машинистов очень строго наказывали, так что каждый старался как мог наверстать. Высокопоставленные пассажиры не желали ни на минуту отклоняться от своего расписания балов, встреч и прочих важных дел. Но в этот раз их планы полетели в трубу – когда паровоз уже сбрасывал мощность, выпуская по сторонам густые клубы дыма, прямо перед глазами машиниста и его помощни-

ков что-то ярко блеснуло, они зажмурились, а когда открыли глаза, поняли, что находятся совсем даже не на вокзале. Но об этом они рассказали много позже.

Тем же, кто встречал поезд или находился на вокзале по каким-то иным причинам, открылась потрясающая и в то же время ужасающая картина. Прямо перед паровозом вспыхнул свет, будто внезапно открылось какое-то волшебное окно, и поезд влетел в это окно. Сразу же после того, как скрылся последний вагон, свечение погасло, но уже через несколько минут появилось на другой платформе, и оттуда вылетел тот же Первый Скорый. Единственное – выглядел он так, словно много дней простоял в депо без внимания, весь в пыли и какой-то саже. А ведь это был самый новейший, самый чистый паровоз! На нем ездил сам Император, понятно, что и паровоз, и вагоны всегда должны были содержаться в идеальном порядке. Но самое удивительное ждало зевак немного позже.

Когда поезд смог остановиться, подняв колесами клубы какой-то странной пыли, похожей на песок, из него повалили люди. О, как же сложно было узнать в этих людях тех самых утонченных леди и джентльменов, что должны были на самом деле выйти. Одежда на них была грязной, местами рваной, головных уборов не было вовсе, волосы напоминали вороньи гнезда. Люди, которые следили за каждым элементом своей одежды так тщательно, будто каждую минуту могут предстать перед императорской семьей, теперь были

похожи на сборище бродяг. Одежда выглядела так, словно человек пробирался сквозь кусты и острые камни. Но самое ужасное – все эти люди постарели как минимум лет на десять!

Конечно же, такие события сразу же достигли Императора. И на следующий день, когда несчастные смогли привести себя в порядок и немного прийти в себя, им пришлось отправиться во дворец. Как женщины, так и мужчины, были седыми, даже те, кто на вид был слишком молод для седины. Тогда-то и открылась история о том, что поезд попал в какую-то пустыню, по которой ехал еще какое-то время совсем без рельс, и попал в белоснежный город. Все в этом городе было странным и не похожим на то, к чему они все привыкли. Правда, никаких подробностей широкой публике не было известно. Но самое, пожалуй, главное было то, что, очевидно, время там и тут текло по совершенно разным законам. Для людей, что ждали поезд, видели его исчезновение и появление, прошли буквально минуты, но для тех, кто оказался по ту стороны разлома – годы. Некоторые дети, что ехали в поезде, успели вырасти и забыть свою жизнь до этого самого приключения. Многим жизнь в городе, где они родились и провели, казалось бы, всю жизнь, была в новинку. Они успели вырасти из своей детской одежды и потому одеты совсем не по городской моде. Более того – даже ткани выглядели очень необычно.

Император строго-настрого запретил распространять

дальше вести о таком приключении, потому эти несчастные просто пытались жить дальше так, будто ничего не происходило, получив большую компенсацию.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь, так что уже очень скоро город начал полниться слухами о том, что происходило по ту сторону разлома. Оказалось, что они попали в город, намного дальше ушедший в своем развитии, чем тот, в котором жили прибывшие. О паровом двигателе там ничего не слышали и очень заинтересовались, но так как среди прибывших были только высокопоставленные богатые особы, у них почти не оказалось никакой информации. Вместе с тем им сложно было научиться чему-то новому – высшие сословия по большей части изучали гуманитарные науки, этику и этикет, так что почти ничего не понимали. Дети же, по счастью, очень хорошо смогли там обосноваться, многие даже не хотели возвращаться.

Разлом тоже был результатом одного из экспериментов. К сожалению, разработка этого новшества только началась, потому повторить в точности его удалось только спустя годы. И оказалось совершенно не понятно, по какой причине произошел такой вот разброс во времени между той вселенной и этой.

С тех пор разлом открывался еще несколько раз, но всегда на том же вокзале. Со временем установились некоторые торговые и культурные связи с иноземцами, какие-то изобретения были получены оттуда, в частности, оружие, чем-то

поделились и с этой стороны. Люди, которые приходили в качестве послов с той стороны, порой оставались по эту сторону, заводили семьи, а по возвращении домой попадали в тот же день, из которого отправились сюда. Таким образом, человек мог проживать одни и те же дни сразу в двух вселенных. Но таких было совсем немного – они страшились и не понимали другой мир и царившие в нем законы.

Многие этим пользовались, а некоторые пошли намного дальше – они смогли продлевать срок собственной жизни с помощью магии из разлома. Говорили, что ведутся и более опасные разработки, но о них никто толком ничего не знал, хоть и болтали много. Но все знали точно одно – для этих экспериментов нужны были люди.

Именно поэтому на улицах с каждым днем становилось все более опасно, особенно почему-то молодым и красивым парням и девушкам. Любой старался передвигаться только в карете или на авто и не выходить на улицу по наступлению темноты. К сожалению, деньги в городе играли слишком большую роль.

А после в город начали прибывать представители других рас, он начал расти и множиться населением. Дома тоже становились все выше, этажи прирастали порой уродливыми конструкциями. Вскоре только территория дворца в центре да особняки главных богачей остались нетронутыми, а остальной город начал постоянно меняться.

И только вокзал, который и стал причиной и первоисточ-

ником подобных событий, оставался единственным приверженцем традиций и не был подвластен никаким изменениям. Разве только со временем стало больше зрителей, но это только на руку простому народу – каждый хотел устроиться получше, и многим это удавалось.

Глава 3.

Елизавета была очень красивой женщиной, потому, несмотря на свое происхождение, смогла отхватить одного из самых завидных женихов того времени. Альберт был императорским советником, да еще и из богатой семьи, которая сама имела одни корни с императорскими предками. Его родители, когда он привел домой Елизавету, дочь разбогатевшего ремесленника, были очень недовольны выбором сына. Они надеялись снова возобновить родство с правящей семьей с помощью императорской племянницы, которая на тот момент как раз вошла в подростковую пору. Но Альберт был непреклонен, несмотря на то, что никогда раньше не противился воле отца и матери. В те дни очень часто можно было слышать подобные разговоры:

– Ну милый, скажи, зачем тебе эта девушка? Она же даже вести себя не умеет! Только и спасает ее красота. Но ведь красота быстротечна. Не успеешь оглянуться, и рядом с тобой женщина, с которой тебе даже не о чем побеседовать!

– Что-то не припомню, чтобы вы с отцом сидели и о чем-то беседовали. Разве что на приемах, чтобы немного развлечься в перерывах между общением с другими людьми. Вы же даже спите в разных комнатах, сколько я себя помню!

– Таковы приличия. Кроме того, мы с твоим отцом женаты уже очень давно. Эта девчонка тебя будет позорить на

каждом приеме!

– Она намного умнее, чем вам кажется!

– Она определенно умнее тебя самого, потому как иначе я не могу объяснить это непонятное помешательство!

Каждый такой скандал, вопреки надеждам родителей, все больше сближал его с Елизаветой. Была некая запрещенная прелесть в этом романе. Кроме того, девушка казалась ему образцом честной добродетели, открытой и доброй, и совсем не похожей на всех тех охотниц за положением и богатством, что он встречал на многочисленных приемах и балах. Елизавета, которая на деле была совсем не так чиста и непорочна, какой пыталась себя показать, была только рада поддерживать этот образ. Она как раз мечтала о такой жизни, какой жили родители Альберта. Жениха она, конечно, не любила, так что ждала тех дней, когда можно будет жить с ним в отдельных комнатах и почти не пересекаться, разве что за обедом и ужином.

После свадьбы она очень быстро влилась в местное общество и со временем совсем перестала замечать мужа. И, как ни странно, невероятно сблизилась с его матерью, которая была просто помешана на разного рода традициях и приличиях. Елизавете тоже была по нраву эта жизнь, так что женщины порой проводили целые дни за разговорами, походами по магазинам или приемам.

Альберт был в том самом первом поезде, что попал в разлом. И вернулся оттуда совершенно другим человеком. От

этого Елизавета его, впрочем, любить больше не стала, скорее, наоборот. Альберт совсем перестал думать о правилах приличия, более того – он перестал посещать гостей, да и у себя в особняке предпочитал никого не принимать. И самое главное – он сам начал яростно заниматься наукой, как будто был каким-то обычным механиком! Одну из больших комнат он переоборудовал в мастерскую, в которой и пропадал целыми днями, занимаясь непонятно чем. Оттуда он выходил очень счастливым и все время то в какой-то грязи, то просто в пыли. Часто все его руки были исписаны чернилами.

Дальше – больше. В доме стали появляться какие-то непонятные и очень подозрительные личности. Это были такие люди, которых с большей вероятностью можно было встретить в городских закоулках, чем на пороге такого богатого и приличного дома.

Тем не менее, император поддерживал все эти изыскания, так что и Елизавета не жаловалась. Правда, часто она с тоской вспоминала те дни, когда их дом был наполнен красивыми дамами и джентльменами, когда рекой лилось шампанское, звучали разговоры об искусстве. Только в такие моменты Елизавета могла себя ощущать в полной мере частью этого общества. А это ведь было именно то, к чему она стремилась все эти годы! Именно это было причиной замужества, а потом и жизни с этим человеком. И если поначалу она его уважала, относилась с трепетом к его положению, манерам,

то со временем он стал ей противен. Да еще и тот факт, что он сильно постарел в этом нелепом путешествии в разлом, а ведь он и до этого не был красавцем! А после этого и начали появляться многочисленные любовники. К счастью, муж, которого теперь не интересовало ничего, кроме металла в различных его проявлениях, женой не особенно интересовался, потому ничего и не замечал.

Но один день перевернул всю их жизнь.

В этот день Елизавета, как и каждый день, спала до обеда. Где-то внизу уже звучали привычные звуки дома – готовилась еда, в мастерской что-то гудело и временами постукивало. В женщине сразу же начало подниматься раздражение. Сколько можно это терпеть? Никогда настолько высококородные особы не делали ничего своими руками! Есть же для этого механики, в конце концов! Не должны были руки его мужа украшать мозоли, а в действительности там были не только мозоли, но и многочисленные царапины и даже один шрам! Это уже не лезло ни в какие рамки. А еще этот постоянный запах машинного масла... Отвратительно.

В последнее время она даже перестала с ним завтракать, предпочитая отправляться куда-то в город на свидание с очередным любовником. Это было намного приятнее, к тому же была какая-то особая пикантность в этом постоянном хождении по краю. Ведь ее похождения могли дойти до родителей Альберта! И тогда ее ждало нечто очень ужасное. Это был не развод, нет. Намного хуже. В таких случаях женщину

обычно отправляли в далекое поселение, где она была вынуждена шить одежду, ухаживать за скотиной, заниматься огородом. В общем, делать все то же, что и любая бедная жительница деревни, с той лишь разницей, что за ней постоянно присматривали, дабы не сбежала и не вернулась. И на памяти Елизаветы вернулась только одна, да и та сошла с ума, бедняжка. Она все рассказывала, как над ней проводились ужасные эксперименты, как какой-то ученый пытался посадить к ее телу дополнительные механические руки! Разве такое видано? Конечно, она сразу же попала в сумасшедший дом, а все остальные дамы стали намного более осторожными и следили за каждым своим шагом и словом. Конечно, это не могло быть правдой – высокородная женщина не могла подвергаться никаким пыткам! Для этого было полно другого рода людей... Да и вообще – слишком мало вероятности, что такие эксперименты вообще возможны. Наука пытается шагать вперед, но еще не настолько далеко смогла зайти. Тем более в какой-то далекой деревне. Все знали, что самые лучшие изобретения – в Большой Тройке городов, а это столица и два крупнейших мегаполиса.

Пока Елизавета размышляла, в комнату поднялась ее горничная.

– Миссис, Вы уже готовы умываться? С утра доставили посылку для Вас. Думаю, Вы хотели бы взглянуть. Судя по большому банту и бумаге, в которую была завернута коробка, он очень дорогой.

– Что ж ты раньше меня не разбудила?

– Вы сами велели...

– Надеюсь, муж мой посылку не видел?

– Конечно, нет, мы по обыкновению занесли ее через кухню и спрятали в гостевой гардеробной. Там уже никто давно не останавливался, так что я подумала – туда точно никто не сунется. Ну а господин совсем на ту половину не заглядывает.

– Умница. Набери мне ванну и принеси подарок. Альберт у себя?

– С ночи не выходил из мастерской. Вчера поздно вечером к нему прибыл какой-то господин, они сразу же заперлись там. Два раза выходили, чтобы попить кофе с сэндвичами, но потом сразу же закрывались снова. Примерно с четырех утра не видели ни его, ни гостя.

– Очень странно, он привык завтракать в одно и то же время. Да и не припомню, чтобы он когда-либо позволял себе не спать всю ночь.

Впервые за долгое время в Елизавете пробудилась искра интереса к собственному мужу. Слишком уж он не похож на себя самого.

– Сейчас наберу для Вас ванну, – горничная решила не продолжать разговор о муже своей госпожи, ту ее часто раздражало.

– Нет, погоди. Я спущусь сначала к мужу, посмотрю, как у него там дела.

– Как прикажете.

Горничная немного поклонилась и ушла, оставив на спинке кресла свежий халат. Елизавета умылась, привела себя в порядок, как того требовали приличия, и поспешила по лестнице вниз, на первый этаж, прямо к мастерской. Этот дом, который много лет принадлежал семье Альберта, совсем не коснулись изменения, царившие в общественной жизни. Женщина много слышала о технических новинках, которые давно были в ходу, и даже видела некоторые из них, но хотела, чтобы дом оставался в своем первоизданном виде, порой даже в ущерб функциональности. Конечно, она понимала, что от изменений ей не скрыться, рано или поздно мир возьмет свое, но предпочитала до тех пор оставаться в своем красивом аристократическом мирке. Тем не менее, со временем все больше и больше комнат обрастали нововведениями, но пока еще они все органично вписывались и не раздражали глаз.

Чем ближе она подходила к мастерской, тем больше понимала, что все звуки оттуда звучат удивительно ритмично. Создавалось впечатление, что это не человек работал каким-то инструментом, а сама по себе работала какая-то машина. И это вполне могло оказаться правдой, учитывая, сколько времени Альберт там что-то собирал. Да еще и какой-то незнакомец... Елизавета и представить не могла, кто именно это может быть. Порой она видела, как тот или иной джентльмен интересовались работой ее мужа, но никто настолько не

был увлечен, чтобы оставаться на ночь. Кроме императора, но даже тот не стал бы приезжать ночью, да еще и запираяться в мастерской так надолго. Он был скорее наблюдателем, чем активным участником, и кроме того, щедро спонсировал научные изыскания Альберта.

Дверь мастерской была обита железом и смотрелась как что-то невероятно инородное в этом королевстве пушистых ковров и старинных картин. Потому Елизавета ненавидела сюда приходить. Со временем все это крыло перешло в полную и безраздельную власть мужа, тогда как другое досталось жене. Они об этом не договаривались, это произошло будто само собой. Потому женщина уже очень давно не приходила в эти коридоры. К счастью, прислуга все равно содержала в порядке все помещения, независимо от того, насколько это необходимо здешним обитателям.

Елизавета постучалась в дверь, что вызвало просто оглушающий грохот по всему поместью. Ответом ей была тишина. Точнее, звуки были, конечно, но с тех пор, как она подошла, они никак не изменились. Этот факт еще больше нагонял мыслей о том, что внутри никого нет. Женщина подождала с минуту, после сказала:

– Альберт, что за игры ты удумал? Всю ночь не спал, да еще и теперь не отзываешься? Я очень, очень недовольна таким поведением!

Обычно от такого тона мужчина терялся, извинялся и сразу же бросался исправлять все то, что он натворил. Или то,

что думала жена, он натворил. Альберт вырос в интеллигентной атмосфере, где все друг с другом обращались уважительно, никто никогда не был наказан. Даже повышенного тона он никогда не слышал. Конечно, бывало, что родители были не согласны друг с другом или злились на маленького Альберта, но они никогда не выходили из себя, а все претензии высказывали предельно корректно. И вот теперь несчастный мужчина временами сталкивался с таким потоком эмоций, криков и временами даже слез, что это просто выбивало его из колеи, хотелось сбежать куда-то далеко-далеко.

В этот же раз настойчивый стук и крики жены не произвели на Альберта никакого эффекта. Если, конечно, принять за данность, что он все еще был внутри. Постояв еще пару минут, женщина решила все же попытаться проникнуть внутрь. На ее удивление, дверь была не заперта. Она была довольно тяжелой, так что Елизавете пришлось навалиться на нее всем телом, чтобы открыть. Но если в первые пару секунд она была почти неподвижной, то, начав открываться, распахнулась с невероятной для металла скоростью так, что Елизавета совершенно некрасиво шлепнулась на пол. Женщина быстро осмотрелась, убедилась, что никто ее не увидел, и поднялась. Прическа растрепалась, шикарный домашний шелковый халат распахнулся, так что Елизавета, которая привыкла выглядеть безукоризненно, почувствовала, что злость переполняет ее все больше и больше с каждой секундой. Поскорее бы найти мужа – уж тогда она отыграется

за все это безобразие.

– Альберт, ты тут? – Снова спросила она, осматриваясь.

В этой комнате она была впервые. Сама не интересовалась всеми этими механическими штуками, да и муж не стремился ее привлечь к своей деятельности. Они быстро поняли, что интересы у них не совпадают. Да и не пристало даме столь высокого положения копаться в железяках. Как, впрочем, не пристало и джентльмену, но его это нисколько не останавливало.

Мастерская была очень большой, состояла из нескольких комнат. Самая первая, та, что сразу открылась глазам Елизаветы, была чем-то вроде кабинета. В углу, у камина, стоял большой письменный стол, заваленный бумагами с какими-то чертежами, и массивный дубовый стул. Чернила и перьевые ручки в беспорядке лежали повсюду, местами оставляя чернильные пятна. В эти помещения явно не приходили убираться. Видимо, Альберт не хотел никого пускать, чтобы не нарушать целостность своих расчетов. По стенам также висели листы бумаги, только гораздо большего размера, на них также были какие-то схемы и расчеты. От этой комнаты вело два прохода в противоположных направлениях. Шум доносился справа, потому и Елизавета направилась именно туда. Эта комната была намного просторнее предыдущей и по размеру, и по высоте потолков. Тут, видимо, и проходили все эксперименты. Комната была заполнена какими-то инструментами и различной формы деталями, а в конце ее рас-

полагалось что-то, похожее на металлическую капсулу. Елизавета видела похожие в салонах красоты – внутрь ложилась женщина, что-то происходило, и выйти она оттуда должна была помолодевшей лет на десять минимум.

Сама Елизавета к таким процедурам не обращалась, она считала себя еще слишком молодой и прекрасной. К тому же, она не очень доверяла всем этим новым веяниям и побаивалась их. По этой причине она до сих пор предпочитала передвигаться на карете, хотя уже в большом ходу были паровые автомобили. Некоторыми из них женщины даже могли управлять самостоятельно. Но это, как считала Елизавета, было совсем ей не по статусу. Кроме того, говорили, что такая повозка может сломаться в любой момент, так что любому, кто брал на себя смелость обзавестись таким новшеством, приходилось еще и механиком становиться, чтобы иметь возможность что-то быстро починить. А уж женщина-механик была просто за гранью понимания Елизаветы.

Но, несмотря на свой страх, женщина решила все же приблизиться к капсуле и заглянуть внутрь нее. Загадочный стук совершенно точно шел оттуда. Она надеялась увидеть какое-то окно, стекло, которое позволяло бы посмотреть на то, что происходит внутри, но ничего подобного не обнаружила. Пытаться открыть странное изобретение было очень страшно, потому она решила еще немного осмотреться и найти-таки мужа, чтобы точно все выяснить.

Из этой комнаты вел всего один проход, потому Елизаве-

та направилась, не раздумывая, именно туда. Вошла и обомлела. Комната была пуста, только в ее центре сверкал и потрескивал... Разлом!

Она сама видела его всего один раз, случайно и мельком, но он произвел на женщину ужасающее впечатление. Эта штука была точно не из мира кожи и пара, он был из какой-то невероятной вселенной, в которой точно все было не так, как надо. Этот разлом был гораздо меньше, примерно с человеческий рост, тогда как тот, что на вокзале, достигал метров пятнадцати в диаметре и почти искривлял пространство. Может быть, он при появлении становится того размера, что нужен тому, кто его призывает?

Неужели муж снова отправился туда? И он постареет еще на 10 лет? Куда делся второй, пошел вместе с ним? И что делать ей?

Елизавета не знала. Что-то влекло ее прямо к разлому, он сверкал невероятно притягательно. Как большой бриллиант, который очень хочется хотя бы взять в руки. Он стоит в витрине, такой красивый, и кажется, что это кольцо прямо предназначено для твоей руки. Но денег у тебя нет даже на дешевую подделку, потому смысла нет даже заходить в магазин. Да и кто такую замарашку пустит в такой магазин? Никто. Все эти невеселые воспоминания сразу всплыли в голове женщины. Ей было жаль ту девочку. Но эта девочка превратилась в женщину, которая может себе позволить любые украшения. Все ювелирные магазины этого города бу-

дут невероятно счастливы, если она их посетит. Все лучшие украшения тут же будут надеты. И она добилась этого своей пробивной силой, своим стремлением к целям и мечтам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.